

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ярославцы увидят на манеже искусство одного из замечательных мастеров советского цирка, укротителя хищных зверей народного артиста РСФСР А. Н. Александрова-Федотова.

Александр Николаевич — представитель старшего поколения. С его именем в истории советского цирка связан период становления и развития так называемой «гуманной» школы дрессировки хищников.

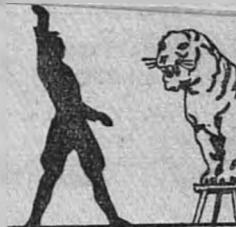
Сейчас готовится к печати его книга. В ней А. Н. Александров-Федотов рассказывает о своей почти сорокалетней работе в цирке. Искусство цирка, говорит автор, не просто экзотика, развлечение. Это сложный, подчас тяжелый труд артиста, нередко связанный с риском, с опасностью. Искусство сильных, смелых, мужественных, трудолюбивых — вот что такое наш цирк, говорит автор.

Сегодня мы публикуем отрывки из книги А. Н. Александрова-Федотова.

КОГДА мысленно переносишься в прошлое, вспоминаешь, с какими трудами, переживаниями, успехами, а иногда и горечью разочарования приходилось осваивать новое, совершенно незнакомое дело дрессировки хищных зверей, кажется, что все это область давнишней, полузабытой истории...

До 1936 года в наших цирках гастролировало большое количество иностранцев, не было ни своих дрессировщиков, ни хищных зверей. Мне одному из первых предстояло принять группу зверей — африканских леопардов и самостоятельно, без всякой помощи подготовить аттракцион. Дело осложнялось тем, что с этими леопардами работал иностранный укротитель. Он применял очень жестокие методы дрессировки, добиваясь дешевого эффекта у маловызываемых зрителей. Он входил в клетку, вооруженный тяжелым арбалтом и железными вилами. Вокруг клетки устанавливались еще палки на всякий случай. Заставляя зверей рычать и набрасываться, этот укротитель бил их по морде и колол железными вилами. От одного его вида звери приходили в трепет, а об эстетике и художественной стороне работы говорить не приходилось.

Примитивное ремесленничество не давало уверенности в безопасности.

На арене цирка

рассчитать по пальцам. Сложность заданного мне эксперимента усугублялась еще и отсутствием «ключей», профессиональных и теоретических знаний. В этом отношении, говоря откровенно, я был тогда дилетантом. Но, вопреки традициям и опыту предшественников, все-таки решился войти в клетку к хищникам.

Первый выход на арену. Первый аттракцион. Успех. Радость победы. Но всему этому предшествовал огромный, ни на день не прекращавшийся труд, и всегда были риск, опасность, а часто и огорчения, срывы. Моих первых леопардов нет уже в живых. Я побывал за эти десятилетия во многих странах и сотнях цирков. Многое изменилось в характере работы, в методах и формах создания аттракционов. Но осталось главное — принцип дрессировки, который основан на учении академика И. П. Павлова об условных рефлексах и который зовется у нас, в советском цирке, «гуманным» методом (в отличие от «дикого»). В нем, этом методе, и заключены секреты успехов всех советских артистов-дрессировщиков.

ОДНАЖДЫ Я ПОЛУЧИЛ из зверинца черную пантеру под кличкой Принц. Служитель зверинца охарактеризовал мне ее как страшного, свирепого зверя. — Выдрессировать пантеру невозможно, — безапелляционно заявил он.

Я же ответил:

— Зверя обратно не отшлю. Он станет знаменитым артистом. Отныне клички Принц не существует. Все старое — кличу, характер зверя надо изменить. Звать буду его Уголек. Это ласковое, приятное имя.

Следующим этапом

было знакомство с деревянной палкой, которой я сквозь прутья клетки старался погладить зверя по спине, бокам и загривку. Сначала он с ненавистью набрасывался на нее, разгрызая в мелкие щепки. Я вкладывал в клетку другую, затем третью, и он с ними так же расправлялся. Наступил день, когда они ему надоели, он перестал обращать на них внимание. А это и было нужно.

Как только Уголек освоил уроки с палкой, я рискнул просунуть в клетку свою руку.

Ощущение мягкой руки показалось ему куда приятнее, и он с большим желанием принимал эту ласку.

Теперь он уже стал ждать моих посещений. Засыпав мой голос, вставал и подходил к решетке, приходил в радостно-возбужденное состояние. А когда я уходил, он протестовал, цыпал по клетке. Благодаря любви, ласке и огромному терпению дикость была побеждена.

Зверь, наводивший ужас на людей, теперь свободно брал мясо из моих рук, я мог его свободно гладить по всему телу. Стоило мне позвать его

по имени, как он подходил к решетке, терся боком о прутья, всем своим поведением напоминая домашнюю кошку.

Так Уголек окончил «первый класс» учебы. Надо было «переводить» его во второй, самый решительный и ответственный — на арену. Все мои наблюдения проходили около клетки. Я от Уголька был надежно защищен железной решеткой. А в центральной большой клетке на манеже не обрушится ли он на меня всей своей силой?

...Команда открыла клетку подана. Дверь распахнулась, и зверь стремительно бросился по туннелю в клетку, в одно мгновение пересек манеж и ударился мордой о сетку.

Отскочив от нее, бросился по направлению к боковому проходу — опять удар о сетку. Уголек стал метаться с быстротой молнии, ударяясь о клетку мордой, ища выхода. Но все было напрасно. Нос, губы, щеки Уголька были содраны. Зверь обезумел.

Я подошел вплотную к клетке снаружи. Уголек вскочил, потом присел. Вот еще секунда, и он прыгнет

На снимке: А. Н. АЛЕКСАНДРОВ со своими питомцами. Фото А. Скворцова.

на меня. Я стоял не шевелясь, дожидалась прыжка. Он скалил белые клыки. Так продолжалось несколько секунд. Уголек узнал меня. Дружеские чувства победили, и он остыл...

Но план первой репетиции был нарушен. Мне не пришлось войти в клетку.

Что же произошло на следующий день?

Из своей клетки Уголек наотрез отказался выходить в манеж. Забился в угол. никакие уговоры не помогали. Пришло пустить в ход воду — не подействовало. Тогда между прутьев решетки просунули доски и постепенным передвижением выволокли Уголька сначала в туннель, а потом и в манеж.

Минут через двадцать зверь пршел в себя, и я вошел к нему в клетку. Он ощетинился, зашипел, стремительно прыгнул на меня, но получил удар вытянутой вперед железной вилкой в грудь. Я лихорадочно соображал: что же будет дальше? Что предпринять? Ведь есть старое правило у дрессировщиков: если зверь хоть раз набросился, то дрессировка автоматически заканчивается, и его передают в зверинец...

Снова прыжок. Снова удар палкой — на этот раз по носу. Уголек молнией отскочил назад. Палка отрезвила его. Он фыркал и тер лапой нос.

Я вышел из клетки. Тридцать дней шла борьба за Уголька. Зверь все-таки подчинился моей воле. Теперь можно было смело утверждать, что Уголек будет «артистом», так как все остальное заключалось лишь во времени.

Начинался новый, заключительный этап дрессировки...

А. АЛЕКСАНДРОВ-ФЕДОТОВ, народный артист РСФСР.

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ **3**
стр.